

ВСТРЕЧА С ПЕСНЕЙ

Ругать гения — одно удовольствие. Сам он всего лишь пожимет плечами. Зато его товарищи по цеху будут счастливы, будут поздравлять критика: "Классно, брат, ты его размазал". А похвалили гения — все обидится. "Товарищи" — за то, что похвалили его, а не их. А сам он обидится за то, что его не поняли, переврали, похвалили не так, не за то...

Начинаем наш концерт! Песня "Отвяжись, я тебя умоляю!"

Кому человек так грубит? Жене, любовнице, кредитору? — Родине. Отвяжись, я тебя умоляю! Вечер страшен, гул жизни затих. Я беспомощен. Я умираю от слепых напылений твоих. ...Навсегда я готов затаиться и без имени жить. Я готов, чтоб с тобой и во снах не сходитьсь, откажись от всяческих снов...

Вот, наверное, что чувствовали Цветаева, Бунин, аристократы, поэты, философы, тысячи, десятки тысяч офицеров — вот что чувствовали те, кто остались живы и оказались на чужбине. Вот что заставляло некоторых возвращаться, даже понимая, что Сталин не пощадит. ...дорогими слепыми глазами не смотри на меня, пожалей, не ищи в этой угольной яме, не напывай жизни моей! Ибо годы прошли и столетия, и за горе, за муку, за стыд — поздно, поздно! — никто не ответит, и душа никому не простит.

Написал Набоков. А сильнее всех об этой участи спел Градский, никогда эмигрантом не бывший. Сильнее всех — потому что гений. Так Пушкин (Дон Гуан) — лучший испанец в русской литературе, хотя никогда не выезжал за пределы империи.

Градский поет Набокова по-эмигрантски. Под скрипку и рояль, на фоне ресторанных голосов и глупого смеха девок, — звучит вопль истерзанной души эмигранта. Он так спел, что бледнеют все корни Оболенины вместе с дочками камергеров. "Я черная молю! Я летучая мышь!" — ну и зачем ты хвалишься, что ты проститутка? Пошла бы в сестры милосердия, в санитарки — получала бы меньше, а жила бы лучше. Если вдруг захотите узнать, какой голос у угольной шахты, черной, сухой, расстректавшей, выгоревшей, — какой голос у выгоревшей дотла души, — можете послушать. Если найдете пластинку или диск. Их никогда нет в продаже. Не поймешь, то ли всегда раскуплены, то ли никто не печатает. Любая дребедень есть, а Градского нету. Нет пророка в магазинах своего отечества.

Гениальные строки Набокова: слепая (ослепленная большевиками) Родина на ощупь в угольной тьме шахты (там и душа, там и залитые кислотой трупы Романовых) ищет, тынет руки... зачем?! Но пока Градский не спел эти стихи, я не знал, что они гениальны. Он меня в них чувствовал, втянул.

Это как гений-музыкант — если бы не его пальцы, мы бы так и не знали о гениальности Моцарта; что нам черные кружочки с хвостиками — до, ре, бе, ме. "Поздно, поздно! — никто не ответит" — предсмертный крик. А потом — легко, светло и чисто: "И душа никому не простит" — это уже Оттуда. Хотя, говорят, там все всё всем прощают.

Исполняется песня "Каждому свое"

Гений выше всех предыдущих оценок. Неудачный концерт, неудачный текст, охрип, оспип, упал со сцены — все может быть. Зато — гений. А эти — удальчики кассы... Высоцкий за всю жизнь не заработал столько, сколько некоторые крутые за один концерт. Ну и что? И Моцарт был нищий рядом с Сальери.

Некоторые кажется, будто Градский — циник. Нет. Цинизмом он прикрывает обаятельную душу (обаятельная душа — это же неприлично). А циник — разговор об идеях и народе прикрывает отсутствием души.

Колоски наших юных годов отшумели, Выше липы и ели над прахом отцов. Мы не спим на земле, завернувшись в шинели.

Мы в шелку и в "Шанели" в рядю подполков. А из этого ряда куда нам податься? Коль молчать

всё одно не отмоешь клейма. Стоит только лишь раз на посулы поддаться — Не успеешь продаться — сгниешь задарма.

Кого в Христы, кого в почет ввести. Кого в листы, кого в отчетности...

Ваши рожи и хари не скрыть за вуялами. Не напаяли на морду изысканий сорюток.

Кто из вас эпохальнее, кто гениальнее, Распознаешь не сразу, оценишь не вдур.

Кого в "Кресты", кого в покойники. Кого в кусты, кого в полковники...

Ах, мразь телевизионная! Студийное, бесстыжее, Радийное мурло. Мораль дивизионная. Лудильное престижие, Рутинное урло.

Суконное посконие, Кавасное беззаконие. Машинная возня. Власть золотогогония, Страстного потогония, Доносы да резня.

Редко встретишь такой длинный набор ругательства, но, пожалуй, это не обрабатывает внимания на грубость выражений. У певца на устах улыбка... Впрочем, это, быть может, еще оскорбительнее. Храбрость — веселое свойство души. Опасность веселит, так и тынет по стоять на краю.

Кому быть виноватому? Партищу ль вороватому? Рабочему ль молчаливому? Крестьянину ль печальнику? Шуту ль говоруку?

Вот так, невзначай, для смеха за-вернул к Некрасову. И вдруг: А мы не ждали зов трубы! Мы были кланы и трубы! И в нас не чьи-то дули губы, А ветры Духа и Судьбы! Да, мы не ждали зов трубы!

Нельзя трогать кумиров толпы. А с другой стороны — с кем и поговорить?

Александр Минкин

КОНЦЕРТ

Эта грубость про рожи и хари выпевается нежно, ангельским голосом, с переливами на вуали, с переборами сладкой гитары. Но этот сироп горше хины.

Сколь ни строчи статьи да оды им, Но разве воспользуюсь в "народные".

Сколь ни служил крамол искателем, Тебе писателем не стать. И к вашим памятникам, знаю я, Не зарастет тропа народная.

Она на то лишь будет годная, Чтоб на могилы напевать.

Ведь их в "Кресты", ведь их в покойники, Ведь их в кусты, а вас в полковники.

Вот опять эти полковники. Опять возникает желание убедиться, что сосед по вагону не заглядывает через плечо. Не напрягайтесь. Тем более что текст нигде никогда не публиковался, а на слух не понять, то ли это торьяма (и тогда с большой буквы и в кавычках), то ли кладбище... А если кладбище — то не понять: под Москвой или под Парижем... Много возникает таких трудностей при попытке перевести объем (звук, интонацию, тембр, дыхание) на плоскость, в буквы.

Исполняется песня, которая поначалу кажется про телевидение

Ах, мразь телевизионная! Студийное, бесстыжее, Радийное мурло. Мораль дивизионная. Лудильное престижие, Рутинное урло.

Суконное посконие, Кавасное беззаконие. Машинная возня. Власть золотогогония, Страстного потогония, Доносы да резня.

Редко встретишь такой длинный набор ругательства, но, пожалуй, это не обрабатывает внимания на грубость выражений. У певца на устах улыбка... Впрочем, это, быть может, еще оскорбительнее. Храбрость — веселое свойство души. Опасность веселит, так и тынет по стоять на краю.

Кому быть виноватому? Партищу ль вороватому? Рабочему ль молчаливому? Крестьянину ль печальнику? Шуту ль говоруку?

Вот так, невзначай, для смеха за-вернул к Некрасову. И вдруг: А мы не ждали зов трубы! Мы были кланы и трубы! И в нас не чьи-то дули губы, А ветры Духа и Судьбы! Да, мы не ждали зов трубы!

Нельзя трогать кумиров толпы. А с другой стороны — с кем и поговорить?

Самая яркая песня перестройки — "Мы ждем перемен". Исполняли уюноно, дерзко, бившая каблучки в доски эстрады и сжимая микрофон как рукоятку маззера.

Героическое "мы ждем перемен" выкрикивалось с угрозой, страстью, почти на пределе — ах, как полюбила молодежь эту музеевную песню.

Но если убавить громкость (меньше пыли, братцы) — останется: мы ждем обеда, вкусного обеда, готового обеда, а не дадите обеда — будет беда: мы обидимся, если не наедемся.

Градский ответил расквашивающейся толпе: А мы не ждали перемен! И нам их тоже не дождаться. Но надо, братцы, удержаться От пустословия арен.

Тогда не услышали. А сейчас — увы, его правота очевидна. Не надо ждть сверху, надо работать (Чехов). И воздержаться от словословия.

Во времена Пушкина поэтическая переписка, понятная только своим, была делом обычным. Теперь — редкость. Так Высоцкий однажды "возразил" Окуджаве. На песню Булата о том, как проехать в счастливую страну: "До синей горы, моя радость, до синей горы". Высоцкий откликнулся мрачно: Я из дела ушел, из такого хорошего дела!

Ничего не унес — отвалился в чем мать родила... Из-за синей горы понагнало другие дела.

Гений и классик — это тот, чьи тексты не только всегда вовремя, не только не устаревают, но и опережают. ...Давайте споем чего-нибудь полегче, повеселее. Близ начинается влекую.

Я буду петь вам блюз, бэби, Я буду петь вам блюз. Если Госплан, Минкульт, Минфин, Госкомцен, Госкомтруд Не перекроют нам шляюз.

Природа разная, Мгновенный порыв — в огонь теленный риск — другое.

Песня не рождается мгновенно. Приходят слова, ищешь мелодию... И чем лучше получается, тем яснее понимаешь, что ничего, кроме неприятностей, не получишь.

Трогать сильные (говорить им в лицо) — опасно. Они тупые мстительные гады. А песню можно не писать. А написал — спой на кухне. Зачем дразнить гусей?

Спеть частушку про президента или против власти — еще можно. Но дать пощечину телевидению... Это ж оно решает: есть ты или нет тебя. Заочет — сделает звезд на конвейере (порусски это называется "из... — конфету"). А заочет — никто не увидит, не услышит настоящего.

Высоцкий при жизни — ни одной песни на ТВ не спел, только малость в кино. Но если б его выпустили на экран и эстраду — смая бы всех, как танк.

Так и Градского нельзя. Не только потому, что он обидел телевидение. Но еще и потому, что сомнет всех остальных. Рядом с ним (после него) их безгосность и пошлость становятся до жути очевидны. Сосиски можно нахваливать, только пока рядом не начнут жарить шашлык. Один аромат все расставит по местам. А уж послекуские...

Начинаем передачу "В рабочий полдень"

(продолжается предыдущая песня) Кому быть виноватому? Партищу ль вороватому? Рабочему ль молчаливому? Крестьянину ль печальнику? Шуту ль говоруку?

Вот так, невзначай, для смеха за-вернул к Некрасову. И вдруг: А мы не ждали зов трубы! Мы были кланы и трубы! И в нас не чьи-то дули губы, А ветры Духа и Судьбы! Да, мы не ждали зов трубы!

Нельзя трогать кумиров толпы. А с другой стороны — с кем и поговорить?

Сто раз смотрели — сто раз трех-летний парень хохотал на этом месте. Рыба-Пила, конечно, вредная, отрицательный персонаж, распустила корабль, чуть все не утонули, но уж так невероятно смешно она поет-верещит. Рыбам вообще полагается молчать. А эта — судя по голосу — родная сестра циркулярной пилы. Уши закладывает от визга: "Это дело я люблю! Этоделюлюблю! Все на свете я пилую!" — и опилили летят!

"Пойдем, — говорю, — послушаешь, как эта рыба другие песни поет". Откопал старую виниловую пластинку Градского. Послушали.

Ребенок особого интереса не проявил. А я ахнул, переписал на кассету, стал ездить в машине под эти песни. Они легко заменили и "Эхо", и "Свободу", заменили всю публицистику, превзойдя ее и точностью, и остротой мысли, и даже оперативностью.

А вдобавок — юмор. А вдобавок — Голос, да такой, что кроме звуков еще видишь порой печальное, серьезное лицо, порой насмешливую, а порой и глумливую рожу.

Это был 1999 год. Чиновничей модой был теннис. И строка "все на лыжи!" воспринимались как некое "обличение вообще". И вдруг, как по мановению волшебной кремлевской палочки, пророчество начало сбываться, все стали прятать ракетки и похвастаться горными лыжами, горным загаром. Каждый день какой-нибудь губернатор или министр, оказавшись перед телекамерой, упоминал, с кем он на днях катался. И признавался, что горные лыжи — его страсть. С детства!

Я хоть и знал песню уже наизусть, но однажды, услышав блюзовое мурлыканье "все на лыжи!" — чуть не въехал кому-то в бампер. Так совпал текст с виденной за пятнадцать минут до того телекартинкой: гора, снег, вот пронесся счастливый Владимир Владимирович, а оператор поймал в кадр несчастного губернатора — потный, пожилой, измученный, предчувствующий перелом.

Голос нарастает, поднимается, достигает огромной силы (вертикальный взлет), пробивает облака, улетает, таит — туда, к Высоцкому, и тот, наверное, слышит.

А юмор в том, что этот вокальный вертикальный взлет (улет) происходит на словах "не выразить мне".

Как же "не выразить", когда так потрясающе поет? Но ведь сам же сказал, что дело не в вокале. Речь о чем-то столь грандиозном, что даже голос Градского, на форсаже... все, запутались, разбирайтесь сами.

Пусть он связки пересмыкает, Пусть не всяк его стих смекает, Но зато он не пресмыкался, Как многие тут.

Он из самых последних жил Не для славы и пел, и жил. Среди всякой словесной лжи Он себя сохранил.

И на круче без удержки Все накручивал виражи. Видно, мало нас учит жизнь, Тут убил, кто ранил.

Потому-то ранимые почти никогда не могут пробыть. Гибнут на взлете, на полпути. А если не гибнут, то ломаются. Перестают быть ранимыми. И ледяной железобетонный монстр тарашится с экран, но имя и фамилию он сохранил, и люди недоумевают: что это с ним? А это — не он.

Инструмент гения — страдание. Даже если он сочиняет что-то развлекательное. С потерей ранимости уходит страдание, и гениальность исчезает.

А еще гений — это когда все, что он сказал, потом происходит. Он сперва напишет, а потом именно это случается. Потому что он — слышит Оттуда.

Мир создан словом. Св. евангелист Иоанн так и начинал: "Вначале было слово". За полторы тысячи лет до Иоанна Моисей принес с Синая скрижали (Тору), и там сотворение мира описано очень точно: и сказал Бог "да будет" — и стало так.

И осталось так. Ибо слово сохранило свою творческую силу. И с нами оно делает все, что хочет. И мальчика, выросшего на Андерсене и "Алых парусах", всегда отличишь от покемона. Лица другие, другие глаза, другая речь. Я прошу у вас внимания, Нешуточная мания, Ура телевизионно! Да здравствует прогресс! Желанья инфильтруются, И мнения формируются, И всякому явлению Оно прибавит вес.

Здесь известно все заранее — Не нужны им и знания. Без лишнего старания Рождается звезда. Немного обаяния, Запудрены бараны Мозги у тети Мани. Ставки, гонки, поезда.

Жаль, нет места. И так уж заметка слишком похожа на сборник текстов с примечаниями. А то в этой песенке 1980-х годов вы бы прочитали не только о "Фабрике звезд", но и о всех наших "Окнах" и "Коротких встречах", которых тогда еще и в помине не было.

Песня посвящается "Александр Сергеевичу Пушкину и другим":

Век поэтов мимолетен, Недолет, налет, полет. Побываешь в переплете, Встанешь в книжный переплет...

И не требуют отсрочки, Смерть достанет, и — ложись. Лишь бы в сроки строки, строчки Отпустили бы им жизнь.

Лишь бы верить, что где-то — Через латы и гранит — Стих российского поэта Чье-то сердце сохранит.

А пока поодинокое К Черной речке их ведет. И не то чтобы отсрочки — Строчки молвить не дадут...

...Ну и хватит о грустном. Включен новейший диск "Хреоматия". Александр Градский написал о том, как взрослый человек опять влюбился... Чувства в душе самые поэтические, душа поет о луне, о морской волне, о дождях и кораблях, потом, понятное дело, перевод в горизон-

бразить, и угольную яму, и нежного влюбленного голубка, и нечто такое, что назвать не решусь, но под конец намеку обязательно.

Пару раз попадались статьи о его концертах. Пишут, что микрофоны трещали, динамики гудели, публика еще чего-то делала — а о песнях ничего. Это как об "Евгении Онегине" написать: плохая бумага, узкие поля, опечатки. И еще пишут, с кем пьет, с кем спит, — большая была статья, не дочитал.

Понимаю авторов, повествовавших о пьянках и девках. Эти предметы легко описываются словами. Пытаться буквами рассказать о музыке...

Ведь тексты и комментарии, которые вы здесь читаете, увы, не передают ничего, кроме смысла, сухого сюжета. Все равно что напечатать либретто и рассчитывать, что читатель получит представление о "Пиковой даме" Чайковского.

Исполняется песня о Высоцком

Я совсем не был с ним знаком. Но о друге мечтал таким, Что меня не продаст тайком, Хоть его жги огнем.

Эту песню начинал другой голос, нигде не спеша, печально и серьезно, без цинизма, без насмешки над объектом и над собой, и даже без издевки над "мастакими вокальными дел". Это лучшая песня о Высоцком, хотя их тысячи, в том числе таких великих авторов, как Окуджава. (Великим, должно быть, мешало, что речь "о Володе", о младшем брате, актере, которого они учили, что не надо рифмовать "кричурочку".)

Владимир Высоцкий для Градского — гений чистой красоты. И это правильное отношение к гению. А что говорили жены (на первый-второй рассчитайся!) — кому какая разница.

У дороги цветком таким Он назло многим рос-таки. Вы, вокальных дел мастаки, Не споете о нем.

...Вверх стремился он с силою, Что не выразить мне! Голос нарастает, поднимается, достигает огромной силы (вертикальный взлет), пробивает облака, улетает, таит — туда, к Высоцкому, и тот, наверное, слышит.

А юмор в том, что этот вокальный вертикальный взлет (улет) происходит на словах "не выразить мне".

Как же "не выразить", когда так потрясающе поет? Но ведь сам же сказал, что дело не в вокале. Речь о чем-то столь грандиозном, что даже голос Градского, на форсаже... все, запутались, разбирайтесь сами.

Пусть он связки пересмыкает, Пусть не всяк его стих смекает, Но зато он не пресмыкался, Как многие тут.

Он из самых последних жил Не для славы и пел, и жил. Среди всякой словесной лжи Он себя сохранил.

И на круче без удержки Все накручивал виражи. Видно, мало нас учит жизнь, Тут убил, кто ранил.

Потому-то ранимые почти никогда не могут пробыть. Гибнут на взлете, на полпути. А если не гибнут, то ломаются. Перестают быть ранимыми. И ледяной железобетонный монстр тарашится с экран, но имя и фамилию он сохранил, и люди недоумевают: что это с ним? А это — не он.

Инструмент гения — страдание. Даже если он сочиняет что-то развлекательное. С потерей ранимости уходит страдание, и гениальность исчезает.

А еще гений — это когда все, что он сказал, потом происходит. Он сперва напишет, а потом именно это случается. Потому что он — слышит Оттуда.

Мир создан словом. Св. евангелист Иоанн так и начинал: "Вначале было слово". За полторы тысячи лет до Иоанна Моисей принес с Синая скрижали (Тору), и там сотворение мира описано очень точно: и сказал Бог "да будет" — и стало так.

И осталось так. Ибо слово сохранило свою творческую силу. И с нами оно делает все, что хочет. И мальчика, выросшего на Андерсене и "Алых парусах", всегда отличишь от покемона. Лица другие, другие глаза, другая речь. Я прошу у вас внимания, Нешуточная мания, Ура телевизионно! Да здравствует прогресс! Желанья инфильтруются, И мнения формируются, И всякому явлению Оно прибавит вес.

Здесь известно все заранее — Не нужны им и знания. Без лишнего старания Рождается звезда. Немного обаяния, Запудрены бараны Мозги у тети Мани. Ставки, гонки, поезда.

Жаль, нет места. И так уж заметка слишком похожа на сборник текстов с примечаниями. А то в этой песенке 1980-х годов вы бы прочитали не только о "Фабрике звезд", но и о всех наших "Окнах" и "Коротких встречах", которых тогда еще и в помине не было.

Песня посвящается "Александр Сергеевичу Пушкину и другим":

Век поэтов мимолетен, Недолет, налет, полет. Побываешь в переплете, Встанешь в книжный переплет...

И не требуют отсрочки, Смерть достанет, и — ложись. Лишь бы в сроки строки, строчки Отпустили бы им жизнь.

Лишь бы верить, что где-то — Через латы и гранит — Стих российского поэта Чье-то сердце сохранит.

А пока поодинокое К Черной речке их ведет. И не то чтобы отсрочки — Строчки молвить не дадут...

...Ну и хватит о грустном. Включен новейший диск "Хреоматия". Александр Градский написал о том, как взрослый человек опять влюбился... Чувства в душе самые поэтические, душа поет о луне, о морской волне, о дождях и кораблях, потом, понятное дело, перевод в горизон-

бразить, и угольную яму, и нежного влюбленного голубка, и нечто такое, что назвать не решусь, но под конец намеку обязательно.

Пару раз попадались статьи о его концертах. Пишут, что микрофоны трещали, динамики гудели, публика еще чего-то делала — а о песнях ничего. Это как об "Евгении Онегине" написать: плохая бумага, узкие поля, опечатки. И еще пишут, с кем пьет, с кем спит, — большая была статья, не дочитал.

Понимаю авторов, повествовавших о пьянках и девках. Эти предметы легко описываются словами. Пытаться буквами рассказать о музыке...

Ведь тексты и комментарии, которые вы здесь читаете, увы, не передают ничего, кроме смысла, сухого сюжета. Все равно что напечатать либретто и рассчитывать, что читатель получит представление о "Пиковой даме" Чайковского.

Исполняется песня о Высоцком

Я совсем не был с ним знаком. Но о друге мечтал таким, Что меня не продаст тайком, Хоть его жги огнем.

Эту песню начинал другой голос, нигде не спеша, печально и серьезно, без цинизма, без насмешки над объектом и над собой, и даже без издевки над "мастакими вокальными дел". Это лучшая песня о Высоцком, хотя их тысячи, в том числе таких великих авторов, как Окуджава. (Великим, должно быть, мешало, что речь "о Володе", о младшем брате, актере, которого они учили, что не надо рифмовать "кричурочку".)

Владимир Высоцкий для Градского — гений чистой красоты. И это правильное отношение к гению. А что говорили жены (на первый-второй рассчитайся!) — кому какая разница.

У дороги цветком таким Он назло многим рос-таки. Вы, вокальных дел мастаки, Не споете о нем.

...Вверх стремился он с силою, Что не выразить мне! Голос нарастает, поднимается, достигает огромной силы (вертикальный взлет), пробивает облака, улетает, таит — туда, к Высоцкому, и тот, наверное, слышит.

А юмор в том, что этот вокальный вертикальный взлет (улет) происходит на словах "не выразить мне".

Как же "не выразить", когда так потрясающе поет? Но ведь сам же сказал, что дело не в вокале. Речь о чем-то столь грандиозном, что даже голос Градского, на форсаже... все, запутались, разбирайтесь сами.

Пусть он связки пересмыкает, Пусть не всяк его стих смекает, Но зато он не пресмыкался, Как многие тут.

Он из самых последних жил Не для славы и пел, и жил. Среди всякой словесной лжи Он себя сохранил.

И на круче без удержки Все накручивал виражи. Видно, мало нас учит жизнь, Тут убил, кто ранил.

Потому-то ранимые почти никогда не могут пробыть. Гибнут на взлете, на полпути. А если не гибнут, то ломаются. Перестают быть ранимыми. И ледяной железобетонный монстр тарашится с экран, но имя и фамилию он сохранил, и люди недоумевают: что это с ним? А это — не он.

Инструмент гения — страдание. Даже если он сочиняет что-то развлекательное. С потерей ранимости уходит страдание, и гениальность исчезает.

А еще гений — это когда все, что он сказал, потом происходит. Он сперва напишет, а потом именно это случается. Потому что он — слышит Оттуда.

Мир создан словом. Св. евангелист Иоанн так и начинал: "Вначале было слово". За полторы тысячи лет до Иоанна Моисей принес с Синая скрижали (Тору), и там сотворение мира описано очень точно: и сказал Бог "да будет" — и стало так.

И осталось так. Ибо слово сохранило свою творческую силу. И с нами оно делает все, что хочет. И мальчика, выросшего на Андерсене и "Алых парусах", всегда отличишь от покемона. Лица другие, другие глаза, другая речь. Я прошу у вас внимания, Нешуточная мания, Ура телевизионно! Да здравствует прогресс! Желанья инфильтруются, И мнения формируются, И всякому явлению Оно прибавит вес.